

К. Н. БАТЮШКОВ

(ПИСЬМО К М. П. ПОГОДИНУ О НАЙДЕННЫХ СТАТЬЯХ БАТЮШКОВА:
«ВОСПОМИНАНИЕ МЕСТ, СРАЖЕНИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ»¹ И
«ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТИНЕ»²)

Прилагаемые у сего отрывки, писанные Батюшковым, сохранились в собственноручном списке в бумагах покойного Д. В. Дашкова³, которому, вероятно, были они сообщены в свое время самим автором, тесно связанным с ним нежнейшею приятелью. — Батюшков, как и мы все, тогдашние литературные современники, вполне доверял строгому и верному суду Дашкова и вкусу его, изощренному наукою и знанием древних и многих новейших языков и литератур. — Есть ли или было ли продолжение этим воспоминаниям, неизвестно. Многие рукописи или сочинения Батюшкова были им самим преданы огню. Но и в отдельном виде своем предлагаемая статья составляет бесценное сокровище. Вся душа, весь характер, все дарование любезного поэта в ней ясно и живо отсвечиваются. Ныне, читая ее, переносишься в другую эпоху, светлую и све-

жую: с любовью сочувствуешь какому-то другому порядку мыслей, чувствований, изложения; вслушиваешься в другую, когда-то знакомую, но ныне забытую речь, звучную, мягкую, согретую сердечною теплотою и проникающую глубоким нравственным убеждением. Радостно встречаешь эту неожиданную находку, но с грустью сознаешься, что это уже старина. Тут все просто и стройно и все художественно. Как отрывок, эта статья, конечно, в глазах многих не будет иметь большой литературной важности. Но в глазах некоторых будет она, без сомнения, иметь прелесть какой-нибудь древней художественной безделки, открытой в глубине помпейской почвы, затопленной бурным и огненным потоком все поглотившей лавы. Это — безделка, но она живая вывеска минувшей эпохи. В свое время была она обыкновенным выражением современного быта, домашнего, общественного и художественного; ныне она археологическая редкость. Так и эта статья имеет всю прелесть и важность предания и памятника. Желательно, чтобы она была молодым художникам и предметом беспристрастной оценки, обратного воззрения на искусство слова, и руководительным образцом. Во всяком случае, она освежит в памяти читателей имя Батюшкова, почти чуждое мимолетному поколению. Ныне литературные понятия до такого невероятного беспорядка смешаны и сбиты, что трудно и невозможно одними рассуждениями и опровержениями ложных правил, ошибочных мнений надеяться на восстановление истины. Нужно было бы целыми томами отвечать на полновесные томы лжелитературы или лжекритики. Лучшее средство отражать и обезоруживать господствующие заблуждения есть противопоставлять им живые факты, обличающие пристрастие или ошибочность недоброжелательных судей. Новое поколение знает о старой и средней литературе нашей из одних новых журналов. Эти журналы не имеют времени, а может быть, и охоты заняться полным и добросовестным изучением писателей не только уже отживших поколений, но даже и тех, которых память еще свежа, или писателей еще живущих, но имевших неосторожность родиться до появления этих журналов. Правду сказать, кое-где и кое-когда появляются и ныне обозрения деятельности прежних писателей. И то правда, что нельзя обвинять эти обозрения в краткости. Но при всей плодovitости своей и объемистой обстановке эти обозрения поверхностны. Критика наша не врезывается вглубь, а растягивается в ширину. Наша критика

никогда не становится лицом к лицу разбираемого ею автора, не глядит ему прямо в глаза и в душу. У нее свои особенные приемы. Она не иначе приступает к делу, как предварительно построив для себя подмости и леса, род Вавилонского столпа, и с этой поддельной вершины, умозрительно теряясь в пустоте воздушных пространств, упускает она из вида личность, значение, достоинства и недостатки подсудимого ей писателя. Она грешит не только в художественном отношении, но часто сбивается в отношении лиц, эпох, в отношениях прямо положительных и исторических. Где-то было сказано, например, что к *так называемому пушкинскому периоду* принадлежит Жуковский. Уж если подразделять литературу нашу на краткие и сбивчивые удельные периоды, то правильнее сказать, что Пушкин принадлежит к периоду Жуковского. Не Пушкин же дал движение Жуковскому, которого он застал уже в полноте сил и творчества. Справедливее сказать, что Жуковский подвинул Пушкина, которого дарование развилось и возросло под его влиянием. Нет сомнения, что в развитии дарования Пушкина отозвалось и влияние Батюшкова. Элегический стих Пушкина сродни стиху поэта, который первый с таким успехом и блеском усвоил поэзии нашей элегическую стихию. Пушкин, и по летам своим, и по внутреннему, прямодушному сознанию истинного дарования, всегда признавал себя учеником Жуковского. Из того не следует, чтобы ученик уступал место первенства учителю, чтобы он во многом не сравнился с ним и сам собою не проложил впоследствии новые поэтические пути, не изведенные его предшественником. Но здесь идет речь о хронологическом порядке: нельзя примыкать старшего поэта к периоду младшего, особенно когда этот старший поэт сам должен быть признан родоначальником нового поэтического поколения. Таким образом, пожалуй, и Карамзин сопричислен будет к *сателлитам* Пушкина, потому что один продолжал писать, когда другой писать начинал.

Для пояснения и полнейшего уразумения печатаемых здесь воспоминаний скажем еще два-три слова.

Батюшков провел несколько времени в Каменец-Подольском в звании адъютанта при военном генерал-губернаторе А. Н. Бахметеве. Определился он к нему еще в конце 1812 года, или в начале 13 года, когда, после занятия Москвы французами, военная буря занесла в Нижний Новгород и молодого поэта, тогда не служащего, и раненого

генерала. А. Н. Бахметев лишился ноги на Бородинском поле, в памятную для меня минуту: то же ядро, которое раздробило ногу ему, убило подо мною лошадь, и я, с помощью двух или трех солдат, вынес генерала из сражения на плаще моем. Бахметев худо и медленно оправлялся. Рана его не давала ему возможности в скором времени снова вступить в боевую жизнь. В таких обстоятельствах отправил он нетерпеливого и бездействием скучавшего адъютанта своего к генералу Н. Н. Раевскому. Он пагнал его в Германии и находился неотлучно при нем до самого вступления в Париж. В сочинениях Батюшкова, в послании его «К Дашкову», упоминается о служебнии его при генерале Бахметеве:

Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край золотой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому павестен к славе путь,
Три раза* не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Вепки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

Другое прекрасное стихотворение его «Тень друга» посвящено памяти Петина и проникнуто прелестью поэтической и глубокою скорбью о ранней кончине незабвенного товарища и друга. Он написал эти стихи на корабле на возвратном пути из Англии в Россию после заключения европейского мира в Париже. Живое, остроумное, веселое и поэтическое описание этого плавания до Готенбурга находится в письме его к Д. П. Северину, также напечатанном в сочинениях его (*Полное собрание сочинений Русских авторов 1850 г.*).

1851

* Помнится, что в первом издании сказано было: трикраты. Одна из смешных особенностей современной литературы есть та, что критики не любят иных слов и что издатели в угодность им подновляют прежние выражения авторов другими, ныне более употребительными. (*Примеч. П. А. Вяземского.*)